

УДК 398.831

DOI: 10.22412/1993-7768-11-3-11

Практика убаюкивания в современной городской культуре: материнский фольклор и потребности ребенка¹

Куприянова Софья Олеговна*, аспирант кафедры истории русской литературы СПбГУ, 2777472@gmail.com.

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация: В статье описывается практика убаюкивания в современной городской культуре, а также те речевые формы и невербальные составляющие, которые её сопровождают. Материалом для исследования послужили интервью с матерями и отцами, записанные в Санкт-Петербурге в период с 2008 по 2015 годы. В процессе полевого исследования было составлено 37 таких записей (33 женщины, 4 мужчин). Интерес представляло то, какие тексты исполняются в качестве колыбельных, что ощущают родители во время убаюкивания и как реагируют на неё дети. Выявлено, что в качестве колыбельной исполняются самые разнообразные тексты и мелодии, которые информантам исполняли в раннем возрасте, восходящие к различным жанрам и относящиеся к разному времени (включая современные). Репертуар связан в основном с личным опытом исполнителя. Взрослые поют детям то, что сами усвоили в детстве, фольклорные колыбельные, знакомые по детским изданиям, популярные шлягеры или песни военных лет, усвоенные в школьном хоре. Выбор того или иного текста, исполняемого в качестве колыбельной, может быть связан с состоянием эмоционального комфорта и спокойствия убаюкивающего. Таким образом, колыбельная песня в равной степени адресована обоим участникам ситуации: как младенцу, так и самому исполнителю. Используя определенные стратегии (укачивание, напевание), родители также получают доступ к собственным переживаниям и возможность управлять ими. Отметим, что текстовое содержание колыбельной не столь важно как для ребенка, так и для взрослого. Потребности детей в первую очередь исходят из ритмики и мелодики исполняемого произведения. Отсюда также можно сделать вывод, что колыбельная песня является одним из способов работы с внутренним состоянием исполнителя.

Ключевые слова: колыбельная песня, укачивание, убаюкивание, городской фольклор, материнский фольклор, потребности ребенка

Для цитирования: Куприянова С.О. Практика убаюкивания в современной городской культуре: материнский фольклор и потребности ребенка // Сервис plus. Т. 11. 2017. № 3. С. 94—99.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2017.

Статья принята к публикации: 26.06.2017.

The practice of lulling in contemporary urban culture: parental folklore and children's needs

Sofia O. Kupriyanova*, PhD student at the Saint Petersburg State University Russian Literature History Department, 2777472@gmail.com.

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

This study describes the practice of lulling in contemporary urban culture and its accompanying speech forms and nonverbal components. The research material included interviews with parents, which were recorded in Saint Petersburg from 2008 to

¹ Исследование осуществлено при поддержке гранта 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

2015. Thirty-seven such records (33 women and 4 men) were made during the gender study. It was interesting to find out which texts the parents used as lullabies and what they felt when lulling their children to sleep and how the children reacted to it. It was found that various texts and melodies, which the respondents were sung in their childhood, were used as lullabies; these texts and melodies came from different genres and times, including contemporary works. The repertoire is generally based on the personal experience of the performer. Adults sing to their children the things that they themselves learned during their childhood, folk lullabies, which they are familiar with after reading children's books, popular hits and military songs that they learned while attending the school choir. The choice to use this or that text as a lullaby can be related to the state of emotional comfort and calmness of the performer. Thus, the lullaby is addressed equally to both participants of the process – the child and the performer. Through certain strategies (rocking, humming), parents also access their own feelings and gain the ability to control them. It is worth noting that the textual content of the lullaby is not as important for the child as it is for the adult. Children's needs primarily come from the rhythm and melody of the performed work. Therefore, it is possible to conclude that the lullaby is a means that allows working with the internal state of the performer.

Key words: Lullabies, rocking, lulling, urban folklore, folklore of motherhood, children's needs

For citation: Kupriyanova S.O. The practice of lulling in contemporary urban culture: parental folklore and children's needs. Service plus, vol. 11, no. 3, 2017, pp. 94—99.

Submitted: 2017/04/20.

Accepted: 2017/06/26.

Введение

Колыбельные песни — один из немногих традиционных жанров, который до сих пор актуален для современной культуры. Несмотря на то, что существуют различные способы успокоения, многие родители в ситуации, когда им нужно уложить младенца спать, прибегают к качанию и напеванию каких-либо текстов.

Но если деревенский «колыбельный» фольклор начал изучаться сравнительно давно и к настоящему времени в этом направлении достигнуты определенные результаты, то практика убаюкивания в современной городской культуре, особенно с учетом ее динамического развития, изучена недостаточно.

Анализ литературы

Согласно наблюдениям исследователей, в деревенской традиции колыбельные пели, качая младенца в люльке, таким образом, ритмический рисунок текста был связан с движением колыбели. Убаюкивание как практика представляет собой сложный комплекс, включающий в себя различные уровни: пластическое действие (качание), которое соотносится с мелодией и ритмом текста, определенные интонации и напевы [17]. Поэтому передаче из поколения в поколение подлежали не только тексты, но и телесные навыки [3]. Объектом исследовательского интереса были в основном тексты колыбельных, их семантика и поэтика [6; 13; 14]. Практика успокоения ребенка с помощью укачивания и напевания начала изучаться недавно [5; 7; 9]. Но исследователей интересовал в первую очередь деревенский контекст убаюкивания, практика исполнения колыбельных в городе не рассматривалась. Изучение этих вопросов в комплексе поможет

определить, в какой форме традиционные способы успокоения используются в современной городской культуре и почему до сих пор являются актуальными для неё.

Одной из проблем при изучении колыбельных песен также является определение их жанрового состава. Многие исследователи отмечали, что в набор текстов, исполняемых в ситуации убаюкивания, попадают тексты разных жанров [4; 6; 10; 12; 13; 14]. Например, в классификации А. Н. Мартыновой, выделены два основных раздела: традиционная колыбельная и нетрадиционные колыбельные (литературные заимствования, песни других жанров) [14]. О. И. Капица в исследовании «Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала» отмечает, что многие тексты детского фольклора полифункциональны и могут быть исполнены в различных ситуациях. Например, один и тот же текст может выступать в качестве колыбельной, колыбельки или сказки [10]. М. Н. Мельников, описывая бытование колыбельной песни, также отмечал факт их разножанровости. Однако видел в этом угасание жанра: поскольку меняется техника успокоения ребенка, сопровождающая колыбельную (качание признается ненужным), то утрачивается и фольклорная форма, которая её сопровождает [15]. Исследователи Э. С. Литвин и А. Коропниченко рассматривают колыбельные как переходный жанр, «стоящий как бы на перекрестке семейной женской лирики и детского фольклора» [11; 13]. А. Коропниченко обращает внимание на то, что текст колыбельной адресован только младенцу, но и самому исполнителю [11]. Таким образом, набор текстов, исполняемых в качестве колыбельной, может меняться и зависит от того, какие тексты исполнитель имеет в своем репертуаре. Поэтому такое разнообразие может свидетельствовать не об угасании жанра, а наобо-

рот, являться одним из его показателей. Изучение этого феномена особый интерес представляет в городской культуре, которая характеризуется значительно большими темпами трансформаций по сравнению с деревенской.

Цель статьи

В связи с вышеизложенным целью данного исследования является описание практики исполнения колыбельных в современном городе, выявление и анализ жанрового репертуара текстов, а также невербальных составляющих ситуации убаюкивания.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили интервью с матерями и отцами, записанные в Санкт-Петербурге в период с 2008 по 2015 годы, а также публикация И. Зарницыной, посвященная колыбельной песне [8]. Интерес представляет то, какие тексты исполняются в качестве колыбельных и что ощущают родители во время убаюкивания.

В процессе полевого исследования было собрано 37 интервью (33 женщины, 4 мужчин). Самая старшая из собеседниц — 1927 г. р., самая младшая — 1986 г. р. Большая часть интервью (27 человек) была проведена с женщинами и мужчинами с 1970 по 1986 г. р. Для удобства описания будут использованы вымышленные имена.

Изложение основного материала

Большая часть собеседников (27 человек) сообщили о том, что напевали или проговаривали какой-либо текст, укладывая младенца.

Однако первыми могут вспоминаться не сами тексты, а мелодические вставки. Так, на вопрос о том, что они пели, некоторые информанты называли маркеры колыбельной «а-а-а-а» или «баю-бай»: Я так периодически что-то напевала, либо какую-то старую песенку спою на свой манер, либо просто там «а-а-а», «баю-бай» (женщина 1983 г. р.).

С.Б. Адоньева в статье «Звуковые формулы в ритуальном фольклоре» [1], рассматривая песенные возгласы-рефрены, приходит к выводу о том, что они представляют собой прагматический шаблон, посредством которого организуется та или иная социальная ситуация. М.О. Муратова, описывая маркеры колыбельных на испанском материале, отмечает, что помимо других функций «мелодические вставки задают рисунок процедуре, в которой одновременно происходит и коммуникация, и магическое действие» [15].

Как отмечают некоторые из информантов, в ситуации исполнения колыбельной повторяемая узнаваемая мелодия, в которую можно вставлять любые «свои слова», является более важным показателем, чем сюжет.

Ну, колыбельные, это же всегда что-то циклически повторяющееся. То ли это будет какой-то один мотив на разные слова, ну, вот как скорей всего бывает, то есть именно то, что не отвлекает ребенка, а вводит его в состояние транса такого, такое сонное состояние. И он как бы перестает фиксироваться на том, что ты ему поешь. Ему не нужно вслушиваться ни в слова, ни в мелодию, он как бы от всего отключается, и таким образом засыпает (женщина 1980 г. р.).

Рассмотрим, какие тексты используются в функции колыбельной. В городском репертуаре практически не встречаются фольклорные колыбельные. Собеседники упоминали следующие песни:

«Придет серенький волчок, тебя схватит за бочок...» (7 вариантов); «Котя-котенька-коток // Приди кот ночевать нашу деточку качать» (3 варианта); «Живет барин на краю...» (2 варианта).

Также встретилось несколько примеров использования традиционного мотива колыбельных «Все спят и ты спи» [6]. Одна из информанток рассказала о том, как пела своему ребенку сочиненное ею продолжение колыбельной на мотив стихотворения Н. Заболоцкого «Меркнут знаки зодиака»:

Ну, далеко не все я могла петь, я тоже так для себя отметила, что далеко не все я могу петь ребенку. Иногда какие-то стихи просто на музыку какую-то могла ритмизировать, на примитивный мотив положить. Ну, про животных, стихотворение, которое я сама вот придумала, оно как колыбельная читалась. То есть, мне очень нравилось перечислять то, что вижу вокруг, и объяснять, как все это спит:

*Закрывает, малыш, глаза,
Спит корова, спит коза,
Мышки спят на чердаке,
Комары на потолке,
Спят собаки, петухи... (женщина 1979 г. р.).*

Используя в качестве основы стихотворение Н. Заболоцкого, женщина выстраивает собственный сюжет. При перечислении различных предметов, обозначаются пространственные границы мира, в котором все понятно и знакомо. Тот же мотив может заменяться прозаическим пересказом.

Как-то уговаривала, говорила, что, ну не знаю, разное говорила. «Посмотри, все окна выключены, все дети спят, посмотри в окно, никого нет, даже собаки спят, даже котики спят, посмотри на часы, как много времени». Ну что-то, в общем. Ну на мальчика как-то действуют разумные доводы (женщина 1981 г. р.).

Одним из наиболее популярных текстов, исполняемых в качестве колыбельной, является «Песня о Щорсе». Это подтверждают и данные опроса студентов одного из московских вузов, проведенного И.Н. Райковой [16]. Согласно данным наших интервью, этот текст оказывается в одном ряду с советскими военными и революционными песнями. Например, «Там вдали за рекой...», «Катюша», «По долинам и по взгорьям...», «Огромное небо», «Три танкиста...», «Широка страна моя родная...», «Принимай нас Суоми-красавица...», «Темная ночь, только пули свистят по степи...», «День победы», «У солдата выходной, пуговицы в ряд...», «Мы с конем по полю идем...», «На поле танки грохотали...», «Неба утреннего стяг» и др.

Часто исполняются песни из советских мультфильмов: «Мама для мамонтенка» (1981); «Колыбельная медведицы» из мультфильма «Умка» (1969); «Бременские музыканты», музыкальный спектакль «Али-баба и сорок разбойников» (1981), песня «Голубой вагон» из мультфильма «Шапокляк» (1974). Колыбельная «Спи, моя радость, усни...», которая с 1986 года была заставкой передачи «Спокойной ночи, малыши...».

Родители поют, то, что знают, то, что есть в опыте: «Summertime», «Хава нагилу», «Во французской стороне...», «Под небом голубым...», «Как молоды мы были...» и другие песни.

В качестве колыбельных могут быть исполнены тексты, которые информантам исполняли в раннем возрасте. Так, одна из моих собеседниц рассказала, что, когда нужно было укачать дочь, каким-то образом она вспомнила текст, который ей в детстве пела бабушка.

Женщине (1970 г. р.) «Песню о Щорсе» исполнял отец в качестве колыбельной. Она пела ее своему сыну, укладывая его спать. На вопрос о том, почему была выбрана именно этот текст, собеседница ответила, что помимо того, что она пела ее в школьном хоре и на институтских застольях, больше всего ей запомнилось то, как эту песню ей пел на ночь отец.

Александра (1979 г. р.) помнит колыбельную «Спи, моя радость, усни...», которую в детстве ей пели мама и папа: Мне вот, например, тоже она нравилась, потому что она такая очень успокаивающая. Но мне эту песню пели в детстве, мне мама пела. И поэтому для меня она как-то со спокойным сном, и вот как-то ассоциировалась (женщина 1979 г. р.).

В следующем примере женщина рассказывает о том, как, перепробовав различные стратегии, чтобы уложить ребенка, она вспоминает «свою» колыбельную, которая переносит её в атмосферу детства:

«Мама пытается усыпить его, а он все не закрывает глаз. Но лежит тихо, не капризничает. Мне нравится смотреть на него и слушать мамин голос.

Поёт она просто, по-домашнему, тепло и ласково. Эту колыбельную ей пела в детстве её мама, моя бабуш-

ка, которую я никогда не видела. Бабушка умерла, когда маме было лет семь. Эту же колыбельную мама пела мне и моему среднему брату, который давно крепко спит в своей кровати.

Двадцать лет спустя. Комната в новом доме. Наша молодая семья только въехала. На окнах еще нет штор. Ночь. Декабрь. Моя восьмимесячная дочка никак не может заснуть. Что мешает маленькому человечку? Что тревожит?

Ношу ее по комнате на руках и пою все колыбельные, какие только приходят на ум: от простого а-а-а до «Дождей» Станислава Пожлакова. Вспомнены фильмы, мультики... Не спит. Затихнет ненадолго и опять вертится и хнычет. «Колыбельная Светланы» из «Гусарской баллады» вызывает неожиданно поток таких горьких и безутешных слез, что после первого же куплета эксперимент прекращаю.

И уже в совершенном отчаянье (вот скажите, почему не раньше?!) вспоминаю "свою" колыбельную. Пою, мысленно уносясь в атмосферу детства, не замечаю, как повторяю мамины интонации, как заново переживаю детские ощущения. Отступает беспокойство. Я ребенок, я в сказке. <...> Дочка тихо посапывает у меня на руках» [8].

Анализируя свой опыт, женщина связывает два события. Она вспоминает, как мама пела ей колыбельную, которую в свою очередь исполняла ее мать. Оказываясь в ситуации, когда ей необходимо успокоить собственного ребенка, через повторение интонаций своей матери возникает текст колыбельной, слышанный в детстве, и, что немаловажно, повторяются детские ощущения.

Наша память устроена таким образом, что впечатления, полученные в результате опыта, связаны друг с другом [11]. Одна из собеседниц сообщила о том, как читая книгу своему ребенку, заметила за собой, что произносит диалоги персонажей с интонациями своей матери (женщина 1985 г. р.).

Таким образом, выбор того или иного текста, исполняемого в качестве колыбельной, может быть связан с состоянием эмоционального комфорта и спокойствия убаюкивающего. Одна из моих собеседниц рассказала, как продолжала петь колыбельную самой себе, уже после того, как уснул ребенок (женщина 1980 г. р.). Она объяснила это следующим образом: для того, чтобы ребенок уснул, необходимо в первую очередь успокоиться самой. Как поясняет еще одна из информанток, текст колыбельной должен быть ритмически простым, так, чтобы его можно было повторять по нескольку раз, для того, чтобы самой прийти в спокойное состояние (женщина 1979 г. р.). «Песня о Щорсе», и другие песни, оказывающиеся в этом ряду, исполняются потому, что ребенок, еще не понимающий смысла слов, засыпает именно под них.

Психолог Э. Берн выделил три состояния психики, которые присущи человеку: Я-Родителя, Я-Взрослого и Я-Ребенка [2]. Впечатления, полученные в детском возрасте, могут воспроизводиться при определенных обстоятельствах. Предполагаем, что текст колыбельной адресован не только ребенку, которому он исполняется в данной коммуникативной ситуации, но и «внутреннему ребенку» исполнителя и настраивает на состояние собственного успокоения в детстве.

Выводы

Согласно проведенному исследованию, современный материнский фольклор в городской культуре характеризуется тематическим разнообразием текстов, которые могут быть исполнены в качестве колыбельной. Репертуар связан с личным опытом исполнителя. Современные родители поют то, что было усвоено в детстве, фольклорные колыбельные, знакомые по детским изданиям, популярные шлягеры или песни военных лет, усвоенные в школьном хоре. Передаче из поколения в поколение подлежат не только сами тексты, но и другие па-

раметры: интонации, эмоциональные состояния, связанные с теми или иными текстами. Колыбельная песня в равной степени адресована обоим участникам ситуации: как младенцу, так и самому исполнителю.

Исходя из жанрового, тематического и стилистового разнообразия исполняемых песен, можно сделать вывод, что их содержание не столь важно как для ребенка, так и для взрослого. Потребности детей в первую очередь связаны с ритмикой и мелодикой исполняемого произведения. Используя определенные стратегии (укачивание, напевание), родители также получают доступ к собственным переживаниям и возможность управлять ими.

Практическое применение результатов исследования

Приведенные результаты исследования можно использовать как отправную точку для изучения потребностей ребенка в практике традиционных жанров детского и материнского фольклора в современной городской культуре.

Литература

1. Адоньева С.Б. Звуковые формулы в ритуальном фольклоре // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/adoniewa1.htm> (дата обращения: 15.05. 2016).
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М.: Эксмо, 2016. 352 с.
3. Бурдые П. Практический смысл / общ. ред. и послеслов. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
4. Ветухов А. Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 12. С. 131–154.
5. Головин В.В. Колыбельные песни и приемы убаюкивания на Русском севере // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. Ч. 2. С. 91–100.
6. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Abo Academi University Press, 2000. 445 с.
7. Головин В.В. Убаюкивания Клавдии Фоминичны Петровой // Живая старина. 1999. № 1. С. 16–18.
8. Зарницына И. Колыбельная // Проза.ру. 2011. URL: <https://www.proza.ru/2011/12/01/1709> (дата обращения: 15.05. 2016).
9. Иванов А.Н. Прочитания над колыбелью, записанные в южной России // Живая старина. 1994. № 4. С. 40–43.
10. Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л.: Прибой, 1928. 222 с.
11. Коропниченко А. К вопросу о жанровой атрибуции колыбельных напевов // Традиционное искусство и человек: тез. XIX науч. конф. молодых фольклористов памяти А.А. Горковенко. СПб.: Белый город, 1997. С. 34–39.
12. Лефрансуа Ги. Теории научения. Формирование поведения человека. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 287 с.
13. Литвин Э.С. Песенные жанры русского детского фольклора // Советская этнография. 1972. № 1. С. 58–67.
14. Мартынова А.Н. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101–116.
15. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжн. изд., 1970. 218 с.
16. Муратова М.О. Испанские колыбельные песни. СПб., 1998. Фольклорный архив кабинета фольклора СПбГУ. Рукопись.
17. Райкова И.Н. «Ложечку за папу...» (Детство и детский фольклор глазами современных студентов) // Традиционная культура. 2008. № 4 (32). С. 108–117.

References

1. Adon'eva S.B., Sound formulas in the ritual folklore. Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika. (In Russ). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva1.htm> (Accessed on May 15, 2016).
2. Berne E., Games People Play (The psychology of human relationships). Moscow: Eksmo, 2016, 352 p. (In Russ).
3. Bourdieu P., Practical Reason. St. Petersburg: Aleteiya; Moscow: In-t eksperimental'noi sotsiologii, 2001, 562 p. (In Russ).
4. Vetukhov A., Folk lullabies. Etnograficheskoe obozrenie, vol. 12, 1892, pp. 131–154. (In Russ).
5. Golovin V.V., Lullabies and techniques of lulling in the Russian North. «Mir detstva» v tradicionnoj kul'ture narodov SSSR, Leningrad, vol. 2, 1991, pp. 91–100. (In Russ).
6. Golovin V.V., Russian lullaby in folklore and literature. Turku: Abo Academi University Press, 2000, 445 p.
7. Golovin V.V., Lulling of Claudia Fominichna Petrova. Zhivaja starina, no. 1, 1999, pp. 16–18. (In Russ).
8. Zarnitsyna I., Lullaby. Proza.ru., 2011. (In Russ). Available at: <https://www.proza.ru/2011/12/01/1709> (Accessed on May 15, 2016).
9. Ivanov A.N., Lamentations over the cradle, recorded in South of Russia. Zhivaja starina, no. 4, 1994, pp. 40–43. (In Russ).
10. Kapitsa O.I., Children's folklore. Songs, nursery rhymes, teasers, stories, games. Research. Picking up. Overview. Leningrad: Priboi, 1928, 222 p. (In Russ).
11. Koropnichenko A., Issue of genre attribution of lullaby tunes. Traditional art and man: proceedings of the XIX scientific conference of young folklorists in memory of A. A. Gorkovenko. St. Petersburg: Belyi gorod, 1997, pp. 34–39. (In Russ).
12. Lefrançois Guy, The theory of learning. The formation of human behavior. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2003, 287 p. (In Russ).
13. Litvin E.S., Song genres of Russian children's folklore. Sovetskaya etnografiya, no. 1, 1972, pp. 58–67. (In Russ).
14. Martynova A.N., Experience of Russian lullaby lyrics classification. Sovetskaya etnografiya, no. 4, 1974, pp. 101–116. (In Russ).
15. Mel'nikov M.N., Russian children's folklore of Siberia. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhn. izd., 1970, 218 p. (In Russ).
16. Muratova M.O., Spanish lullabies. St. Petersburg: Fol'klornyj arkhiv kabineta fol'klora SPbGU, 1998. (In Russ).
17. Raikova I.N. "A spoon for dad..." (Childhood and children's folklore in the eyes of modern students). Traditsionnaya kul'tura, no. 4 (32), 2008, pp. 108–117. (In Russ).

